

Министерство высшего и среднего специального образования СССР
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Филологический факультет

На правах рукописи

ЖУРАВЛЕВ Анатолий Федорович

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ОБРЯДОВАЯ СКОТОВОДЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ
В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

10.02.01 - Русский язык

10.02.03 - Славянские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва - 1982

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н.И.Толстой.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук В.М.Мокшенов,

кандидат филологических наук Т.М.Судник.

Ведущая организация – кафедра общего и славянского языкознания Белорусского государственного университета им. В.И.Ленина.

Защита состоится " 4 " июня 1982 г. на заседании специализированного совета Д-053.05.14 по русско-славянскому языкознанию при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова.

Адрес: 117234, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке филологического факультета МГУ.

Автореферат разослан " ____ " _____ 1982 г.

Секретарь специализированного совета
кандидат филологических наук

Е.В.Клобуков

Подп.к печ. 12.02.82 г. Объем 1,5 п.л. Зак.471. Тир.100 экз.

Типография МВТУ им. Н.Э.Баумана

Одной из актуальных задач современной славистики является усиление и углубление научных поисков в области этногенеза и реконструкции древнейшего состояния культуры славян, зависящее в первую очередь "от реального налаживания комплексного изучения с привлечением накопленных данных археологии, истории, этнографии, лингвистики, фольклора, антропологии, с применением новых методов и расширением полевых исследований"¹. При этом важнейшими признаются такие проблемы, как "Проблема реконструкции славянской духовной культуры в лингвистическом, этнографическом, историческом и фольклористическом аспектах. Комплексные методы реконструкции. Проблема соотношения этногенеза и глоттогенеза... Проблема комплексного изучения архаических славянских зон в языковом и этнокультурном отношении /белорусское и украинское Полесье, Карпаты, русский Север и др./... Проблема праславянского диалектного членения в лингвистическом и культурно-мифологическом аспектах... Проблема славянских культурных древностей... Древнейшая структура славянского языческого обрядового цикла - его общие моменты и локальные различия. Славянская мифология и ее "диалектология"..."².

¹ "Общие рекомендации научной конференции "Итоги и перспективы славяноведческих и балканских исследований: вопросы координации" /Звенигород, 1978/. - В кн.: "Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований". М., Наука, 1979, с. 263.

² Там же, с. 269.

Постановка этих задач предполагает активизацию этнолингвистических исследований. "Этнолингвистика есть раздел языкознания или шире - направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции. Во всех разысканиях подобного рода язык как средство общения и как одна из важнейших форм этнической /народной, национальной/ культуры оказывается в доминиантно й позиции. Он всегда является основным предметом исследования вне зависимости от того, какая субстанция /языковая или неязыковая/ и какая функция /коммуникативная, обрядовая, мифологическая и т.п./ подвергается анализу"¹.

Актуализация этнолингвистических исследований возвращает филологии ценную традицию отечественного языкознания, связанную с именами Ф.И.Буслаева, А.Н.Афанасьева, А.А.Потебни и других крупнейших ученых прошлого века, традицию рассмотрения и анализа фактов языка в теснейшем соотношении их с фактами культуры, с категориями народного сознания. Вместе с тем такое возвращение не есть простое возобновление минувшего, но представляет собой качественно новый этап в познании, поскольку лингвистика с тех пор серьезнейшим образом продвинулась в разработке своего научного аппарата /метаязыка/, в совершенствовании прежних /описательного, сравнительно-исторического/ и в выработке новых /географического, типологического и др./ методов изучения.

В этнолингвистических исследованиях первостепенное место отводится анализу т.н. "культурной" лексики и, в частности, лексики, связанной с традиционной обрядностью. Говоря об обрядовой терминологии и фразеологии, следует отме-

¹ Н.И.Толстой. Неравномерность развития звеньев языковой и мифологической системы в этнолингвистическом аспекте. - В кн.: "П Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка". Тезисы докладов". М., 1960, с. 150-151.

тять, что они являются чрезвычайно интересным объектом для собственно лексикологических, лингвогеографических, этнокультурологических и прочих штудий, и их изучение важно во многих отношениях. Во-первых, обрядовая лексика естественным образом отражает структуру самого ритуала, выделяет узловые моменты обряда, эксплицирует характер связей отдельных его элементов, а через обряд /и вместе с ним/ отражает внеязыковую действительность, существенные черты древнего миропонимания, некоторые древнейшие особенности социальной регламентации и т.п. и, следовательно, может служить одним из источников реконструкции социальных, космологических и иных представлений далекого прошлого. Во-вторых, она относится как правило к архаичным пластам диалектного словаря, что является весьма ценным обстоятельством в глазах специалиста, занимающегося вопросами диалектного членения языка, лингвогеографии, исторической диалектологии и, в конечном счете, этногенеза. Немаловажно, в-третьих, и то, что в настоящее время в связи с принципиальными изменениями социально-исторического и культурного порядка обрядовая лексика теряет свою значимость для социума, в котором она функционирует, отходит на периферию словаря и постепенно исчезает. К этому следует добавить, что теоретическая разработка и современное состояние лексикографической интерпретации обрядовой терминологии и фразеологии не могут считаться удовлетворительными, как в силу зачастую недостаточной осведомленности составителей региональных словарей в трактуемом предмете, так и, главным образом, по причинам неприменимости стандартных лексикографических принципов к безэквивалентной и плохо "парадигматизирующей" лексике ритуалов /требующей гораздо большей "энциклопедичности" в толкованиях, чем единицы основного лексикона/.

Реферируемая диссертация посвящена восточнославянской диалектной лексике и фразеологии, связанной со скотоводческой обрядностью. В задаче работы входит описание отдельных групп обрядовой лексики и фразеологии в тесной связи с анализом структуры, семантики и символики самих скотоводческих ритуалов, выяснение семантической мотивированности и семантической структуры отдельных наименований и лексических ассоциаций /группа диалектных лексико-семан-

лических соответствий!; показ взаимоотношений языковой и
 экстралингвистической сторон обряда, взаимодействия вербаль-
 ного и невербального компонентов ритуала; анализ условий
 функционирования вербальных элементов обряда, их связи с
 широким спектром обрядовых и необрядовых словесных произве-
 дений клишированного характера /пословиц, поговорок, рече-
 ний, заговоров, песен/; наблюдение над лингвектной
 варьруемостью исследуемого материала, установление основных
 лингвектных различий в структуре обряда и его терминологии.
 Восточнославянская скотоводческая обрядность представляет
 собой весьма обширную и дифференцированную совокупность
 различных по своему характеру культурных институций, ритуа-
 лов, магических приемов и запретов, как приуроченных к тем
 или иным моментам народного и церковного календаря /напри-
 мер, весенний второй день - первый выгон скота, жор и лавр
 - лошадиный праздник, Власев день - коровий праздник, коро-
 вы-менники и т.д./, так и не относящихся к календарной за-
 крепленности. Кроме того рассматриваются в диссертации
 различные обряды и магические приемы преимущественно нека-
 лендарного цикла /т.н. окказиональная обрядность/: ритуалы,
 связанные с приплодом, купшей-продажей и падежом скота. Та-
 кой вид обрядов обусловлен в значительной мере наличием неко-
 лендарной магии, значительной вербальной вариативностью
 этнографического и лексико-фразеологического материала, что
 было залогом несекретности ритуалов его картографирования.
 М а т е р и а л о м для исследования служили данные
 лингвектных словарей восточнославянских /русского, белорус-
 ского, украинского/ языков, словарях картотек, опубликован-
 ные и архивные этнографические описания, а также полевые за-
 писи автора и учеников Лесских этнолингвистических экс-
 педиций /Институт сравнительной и балканистики АН СССР в
 сотрудничестве с кафедрой русского языка филологического фа-
 культета МГУ, руководителем экспедиций - Н.И.Толстой/. Особая
 роль отводится этнографическому и лингвистическому материалу,
 полученному из архивных источников. Широко используются да-
 нные, собранные в рукописном фонде этнографического му-
 зея им. В.Н.Тенишева /архив Музея этнографии народов СССР в

Ленинграде/ /автором сделана полная эксерпция сведений, относящихся к восточнославянской скотоводческой обрядности/, а также материалы Архива Географического общества СССР, Ленинградского отделения Архива АН СССР /фонд П.В. Шефна/. Вводятся в научный оборот богатые данные костромской анкеты 1920-х гг. "Культ и Народное Сельское Хозяйство", хранящиеся в отделе рукописных и книжных фондов Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, бывш. Ипатьевский монастырь /часть материала этой анкеты, относящаяся к урожайной обрядности, впервые исследована и частично опубликована в работах О.А.Терновской!/.

Работа строится как серия очерков, описывающих структуру, семантику и географию отдельных слов, лексических групп и фразеологии, составляющих вербальный план восточнославянских скотоводческих ритуалов. Материал, подвергавшийся анализу, объединяется в три главы, соответственно трем указанным выше некалендарным обрядовым циклам и акционально-семантическим "зонам". Все главы имеют сходное композиционное построение: первый раздел каждой главы содержит более или менее подробное описание структуры и семантики ритуалов, второй раздел является собственно лингвистическим и включает в себя несколько очерков-этидов различного характера /этимологические, семасиологические, описательно-фразеологические и т.п./.

В открывающем работу разделе "Предварительные замечания" обосновывается необходимость комплексного исследования языковых данных в широком культурно-этнографическом контексте, указывается на связь работы с современными отечественными этнолингвистическими разсказаниями, формулируются задачи диссертации, характеризуется использованный материал.

Глава первая "Скотильная магия: приплод скота" посвящена анализу представлений, ритуалов и магических приемов, направленных на увеличение плодovitости домашнего скота /производящая магия/ и обеспечение благополу-

лучия приплода, и связанной с этими обрядами лексики и фразеологии.

В первом разделе главы – "Структура и семантика ритуала" – рассматривается одна из важнейших для славянской скотоводческой культуры онтологическая категория вода, ассоциированная с народными представлениями об изменчивой удаче в ведении скота и носящая заметный оккультный и сакрализованный характер /помимо лексемы вод, отмеченной в орловских, ярославских и др. говорах¹, значение 'благополучие, плодовитость и приживчивость скота в данном крестьянском хозяйстве' выражается лексемами спорина, спорость, племя, плод; ср. спорина, спорня, приполо и др. в лексике катвенной обрядности как обозначения некоего важнейшего качества нивы, которое, однако, мыслится отделенным от нее вмешательством злых сил, что вполне аналогично представлениям о воде/. Фертильная обрядность, чрезвычайно развитая у восточных славян, преследует целью магическое воздействие на вод домашних животных, провоцирование плодовитости скота. Народные представления, отражающиеся в продуцирующей магии, определяют активную семиотизацию самых различных явлений внешнего мира, включение в систему онтологических значимостей и семиотических отношений широкого круга предметов, действий и атрибутов.

Так, провоцирование спорин в хлеву осуществляется своеобразным ритуально-акциональным и вербальным уподоблением домашнего стада звездам /в зимних гаданиях, в обрядах окликания звезд на Онисима-овчарника, зорнения пряжи и посуды/, искрам от рождественского полена /балканский бадняк и его карпатские корреспонденции/, зерну или бобам /в ритуальном севе гороха на Рождество и т.п./, насекомым /в

¹ См.: Архив ГМЭ, ф. 7, оп. I, № 1092; И.В.Костоловский. Из народных суеверий, примет и обычаев Бремейцевской волости, Рыбинского уезда. – "Этнографическое обозрение", 1901, вып. 3, с. 136.

сеянии муравьев, закапывании в навоз осиною гнезда, в поверьях о тараканах/ и т.д. Наиболее распространенная вербализованная форма такого уподобления – заговорные сравнения типа Как по-под небесью звездам несть числа, так у раба Божьего /имярек/ уродилось бы овец более того! или Как мураши кипят, так бы у меня на дворе скотинка вся скопилась и плодилась /quomodo-формула, по П.Г.Богатреву/. В семантическом отношении звезды, зерно, насекомые, искры, а также вода /в частности, в таких "дискретных" состояниях, как дождь, снег и роса, ср. роль росы в егорьевской и купальской обрядности, направленной на скот/, выступают в славянской продуцирующей магии как трансформации одного и того же начала, связанного с представлением о неисчислимости соответствующих объектов. Связь их между собой обнаруживается в постоянном соотношении, в параллелизме контекстов огромного количества заговорных и приметных формул, эквивалентности в различных ритуальных действиях, приемах и т.д.

Стремлением к позитивному воздействию на род домашнего скота очень часто эксплицитно мотивируется приготовление календарных обрядовых хлебов, производимое преимущественно в весенние праздники /особенно на Сорок мучеников, 9 марта/. Это ритуальное печенье во многих местностях представляет собой изображение фигур домашних животных /и птиц/ и часто носит соответствующее название /в диминутивных формах/. Плодовитость сообщается скоту путем скармливания обрядового печенья, причем существенную роль играет число скармливаемых хлебцев, соотносимое с количеством ожидаемого приплода. Ввиду названий обрядовых печений типа барашки, бляшка 'булочка, употребляемая для лечения скота', козленочки, козули, корова и др. /а также копытце, копытчики, рожки/ возникает желание связать этимологическими отношениями более глубокими, чем просто "вторичное сближение", "паронимическая аттракция", слова баран и баранка 'вид кренделя' /обычно объясняемое сравнением с белор. абаранак, польск. obwarzanek из *ob-variti/, тем более что в диалектах отмечено и слово бубдик 'ягненок, барашек', явно производное от диалектного глагола бублить 'блеть' /см.: СРНГ, вып. III, с. 234/.

Материал восточнославянской обрядности, стимулирующей род скота, позволяет сделать важные наблюдения над вовлечением в сферу фертильной семантики различных предметов и атрибутов, первоначально обладавших иной функциональной ориентацией, ср., например, изменение функции ритуальных предметов от апотропеической к продуцирующей /борона, осиновый кол, чертополох, хвоя, содержание козла в конюшне и др./ или смену компенсационной функции т.н. "строительной жертвы" /отразившейся в скотоводческой обрядности в подкладывании шерсти под матицу нового дома, зарывании под основание хлева свечных костей, живой собаки и т.д./ функцией провоцирования спорины. Эта функциональная переориентация находит выражение прежде всего в прямых вербальных мотивировках соответствующих ритуальных действий.

В комплексе окказиональных обрядов, непосредственно связанных с получением приплода от конкретного животного, выделяются магические действия, производимые при случке; приметы, замечаемые во время неспаривания коровы, кобылы и т.д. и позволяющие судить о поле, масти будущего потомства, времени его появления на свет и т.п.; магия, связанная с собственно отелом /ожеребом и т.д./, и, наконец, ритуалы, исполняемые после отела /ожереба и т.д./ и призванные обезопасить разрешившееся животное и приплод от влияния недобрых сил. В разделе затрагиваются такие существенные моменты окказиональной скотоводческой обрядности, как мотив 'завязывания узла' в магии при случке; связь пространственных /'правый' : 'левый', 'верх' : 'низ' и др./ и темпоральных /например, 'утро' : 'вечер' и др./ координат с семантическими категориями 'мужской' : 'женский' в приметах о приплоде; семантика ритуального рожения отелившейся коровы в женскую одежду, обозначаемого фразеологизмами завязать корову молодухой, молодую в сорочку надеть и др.; структура диалогических заговоров, произносимых во время отела, окота и т.д.; магическое охранительное "межвидовое" переименование типа Это не теленок, а олчонок в ритуалах приема новорожденного животного, имеющие соответствие в неканонических именах-обергах типа Немил, Нехорош; и др.

Второй раздел первой главы – "Лексика и фразеология" – содержит три очерка: "К этимологии слав. *skotъ", "Лексика, связанная с ритуалами очищения отелившейся коровы" и "Названия ритуальной трапезы по случаю отела".

а/Хотя само слово скот не относится к обрядовой лексике, было сочтено целесообразным посвятить ему отдельный очерк в реферируемой диссертации, поскольку оно /и обозначаемое им понятие/ является ключевым для рассматриваемой области традиционной культуры /наряду с такими словами, как стадо, пасты, пастух и др./ и его этимология, которая защищается в настоящей работе, указывает на принципиальную существенность в этой культуре семантических и онтологических моментов, относящихся к приплоду, плодовитости вообще, к воду домашних животных.

Общепринятой этимологии слав. *skotъ нет /более других популярна версия, трактующая это слово как германизм/, но в свое время П.Шафарик, а позже В.В.Мартынов, указывали на возможную его связь с исконнославянским глаголом *kotiti (se) 'приносить потомство, рождать, плодиться /о животных/'. Однако в версии Мартынова требуют устранения некоторые формальные трудности и противоречия /толкования *s-то как рефлекса префиксального *sz-, с допущением исчезновения -ъ- еще в праславянском, то как отражения индоевроп. s-mobile¹/. Представляется допустимым возведение *skotъ /как и *kotiti (se)/ к индоевроп. *kat- 'рождать детенышей, плодить/ся/', но реконструируя его вариант с "подвижным s", сохранным также в сербохорв. скотна 'беременная', словен. skót 'детеныш животного, приплод' и др. Возможность семантического перехода 'приплод, потомство' — 'скот' у славянского *skotъ подтверждается хотя бы польской параллелью zwierzęta (domowe) 'домашние животные, скот', где явно присутствует славянский формант -et-, оформляющий названия детенышей, а связь названия скота с глаголом 'рождать' – це-

¹ В.В.Мартынов. Славячо-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. /К проблеме прародины славян/. Минск, 1963, с. 184, 186.

лым рядом аналогий в индоевропейских, тюркских и др. языках. Типологическое родство указанному семантическому развитию обнаруживает история названия 'птицы' в различных индоевропейских языках /по объяснению О.Н.Трубачева, не из 'летун, то, что летает', а из 'детеныш, выкормыш'¹/.

б/ В цикле окказиональных обрядов и магических действий, связанных с приплодом скота, одно из важнейших мест занимают ритуалы, преследующие своей целью очищение отелившейся коровы и совершаемые через несколько дней после отела /до этого времени корова считается нечистой, и ее молоко в пищу не употребляется/. Период очищения, занимающий в разных местностях разное время, исчисляемое удоями, в южнорусских говорах и части среднерусских говоров /курск., калужск., рязанск., тамбовск., пензенск./ носит наименование рученец. Его этимология выясняется путем сравнения с нелокализованным реченец 'то же' /Даль/, которое этимологически родственно слову срок, отмеченному в том же значении в восточных среднерусских говорах /владимирск., нижегородск./.

Ритуальное окуривание коровы, после которого она считается чистой, носит названия корову святить, подмыть корову /в результате семантического сдвига, в связи с обязательным обмыванием коровы перед окуриванием/, курить уроки /ср. уроки 'сглаз, обуроченье, порча'/, пороки окуривать, уроки сжидати, корову обойти и др. Указанные фразеологические обозначения ритуалов окуривания коровы в определенный день после отела наталкивают на предположение о том, что функция очищения отелившейся коровы является у этих ритуалов вторичной по отношению к профилактической функции - защиты от сглаза или порчи, особенно актуальной в самый день отела, считающийся опасным как для скотины, так и для ее приплода /ср. многочисленные запреты, приуроченные к этому дню/, а сам обряд окуривания, вероятно, перенесен со дня отела на рученец.

¹ О.Н.Трубачев. Реконструкция слов и их значений. - "Вопросы языкознания", 1980, № 3, с. 11.

в/ Обрядовая трапеза /каша из молока очистившейся коровн/, совершаемая после окуривания коровн в реченец/рученец, известна преимущественно в южнорусской зоне. Основная группа фразеологизмов, служащих ее обозначением, базируется на глаголе молить и его производных. Орловск., курск., воронежск. молить корову /с возможными субстантивными образованиями типа моление коровы/ объясняется тем, что в самой трапезу включается произнесение молитвы за новоотелившуюся корову. Иногда фразеологизмом корову молить обозначается целиком весь цикл ритуалов, связанных с ручением — окуривание коровн и телят, подмывание ее святой водой, молитва, обрядовая каша с отделением ее части корове. Среди производных отмечены: смаливать коро /, обмаливать корову, перемаливать /без именного дополнения/.

В связи с этим представляет интерес значение 'забывать, резать' у глагола молить и производных от него в сочетании с именами существительными — названиями домашних животных и птиц, отмечаемое во многих русских говорах /вятск., пермск., орловск., курск., воронежск./: молить, молить убоинку, молитвить птицу, скотину, малить кур, малить кароу, малить парасят /касарецких/, замолить, замаливать 'резать, убивать скотину', курмолить 'обычай жарить курицу или петуха на осенние Кузьминки', возможно, козомолье 'обряд с козой в канун петровского поста' и др.

В воронежских и тамбовских говорах в составе фразеологизма со значением 'править новотёл, устраивать обрядовую кашу по случаю отела' вместо существительного корова отмечено каша. Между фразеологизмами молить корову и молить кашу, безусловно, существует отношение производности, однако неполнота имеющегося материала, краткость и в ряде случаев недостаточная ясность контекстов, затемненность семантической мотивации и отсутствие определенности в выборе этнографических параллелей к обозначаемым указанными словосочетаниями обрядам не позволяют судить достоверно с направлением этой производности. Лишь меньшая встречаемость фразеологизма молить кашу допускает осторожное предположение о его вторичности по отношению к словосочетанию молить корову.

Глава вторая "Коммерческая магия: купля-продажа скота" посвящена восточнославянским обрядам, связанным с приобретением домашнего скота и вводом его в хозяйство, и их лексике и фразеологии.

В первом разделе главы - "Структура и семантика ритуала" - продолжается, но уже на материале ритуалов купли-продажи скота, анализ онтологической категории вода. Специфика обрядов данной группы обусловлена тем, что они выражают антагонизм партнеров, участвующих в сделке и преследующих в ней прямо противоположные цели: покупатель рассчитывает вместе с приобретаемой скотиной ввести в свой хлев прибыль и удачу /вод, спорину, племя и т.п./, в то время как продавец, естественно, опасается ее упустить, отдать с проданной скотиной в чужое хозяйство. Представление об отчуждаемости вода от хлева¹ лежит в основе почти всех магических действий и ритуалов, к которым прибегают участники купли-продажи, и многочисленных табу.

Например, опасением прервать с самого начала плодovitость коровы в данном хозяйстве вызывается запрет на продажу ее первого потомства. Сохранение вода в хлеву достигается приемами выстрижения шерсти у продаваемого животного и заткнания ее в стену хлева, что иногда сопровождается магическим приговором типа Оставайся дома! /ср. обычай оставления после жатвы на поле т.н. бороды 'гучка незжгих колосьев, обеспечивающих плодonoсность нивы в последующем/.

¹ Следует отметить связь подобных представлений с представлением об отчуждаемости века, отразившимся в распостраненных поверьях о т.н. двужилных лошадях: если после смерти двужилной лошади не исполнить надлежащих обрядов, то вслед за нею падет еще двенадцать лошадей. Прилагательное двужилный претерпело трансэтимологизацию /и, возможно, некоторые формальные преобразования/, втянувшись в круг производных от жила; этимологически оно восходит к глаголу жить и первоначально означало 'живущий дважды, за двоих, два века - свой и чужой'. ср. фразеологизм заедать /чужой/ век и под./.

Параллели с жатвенными обычаями обнаруживаются, кроме того, в сходстве вредоносного выстригания шерсти с целью лишить продаваемое животное спорины, с одной стороны, и т.н. пережинами – с другой /нужно отметить, что часто и выстрижение шерсти и пережины делаются крестообразно/.

Забота покупателя о приобретении вóда и заинтересованность продавца о сохранении его в своем хлеву отражаются в обычаях магической кражи соломы или навоза со двора продающего скотину; в обычаях продажи коровы вместе с подошником или кринкой, а лошади – вместе с недоуздом /в ряде местностей – напротив, в запрете на передачу покупателю узды или посуды/; в приемах передачи лошади и коровы от продавца к покупателю из полы в полу, т.е. в запрете касаться оброти непокрытой рукой, дабы не спровоцировать тем неплодовитость животного; в ритуализованном возвращении продавцом покупателю части обусловленной платы в знак отсутствия злого умысла, чтобы скотина повелась; в распивании магаричей за счет продавца /в этом случае выпивка эквивалентна возврату части платы/ или за счет покупателя /здесь попойка представляет собой выкуп вóда, племени или молока 'удойности', ср. фразеологизмы /продать, прийти и т.д./ со всем молоком, со всем продать, вполовину продать/; в обычае уводить купленное животное в первой половине дня; в замечании следов коровы по дороге в новое для нее хозяйство и мн. др.

Особыми ритуалами обставляется ввод новокупленной скотины в новый двор: встреча ее хлебом-солью, перегон через пояс, замок, шубу, хомут, осиновое полено и т.д., ввод скотины в ворота задом, обливание ее водой, приобщение ее к печи /привязывание теленка к печному столбу, кормление с печной заслонки, бросание оброти под печь, обвязывание ее печной трубой/, выстригание шерсти, чтение заговоров, обращенных к домовому, и др. /многие обычаи, связанные с вводом животного в новое хозяйство, находят семантические и акциональные соответствия в магии, приуроченной к отелу и, далее, в "человеческой" родильной обрядности/.

Во второй раздел второй главы – "Лексика и фразеология" – включены три очерка: "Фразеологизмы и слова со значением

'прийтись ко двору'". "Две группы фразеологизмов, связанных с ритуалом передачи скотины от продавца к покупателю /по материалам анкеты "Культ и Народное Сельское Хозяйство"/" и "Названия выпивки по случаю купли-продажи скота".

а/ Значение 'прийтися в хозяйстве, пойти впрок, оказаться годным /о домашнем животном/' выражается фразеологизмами с опорными именными компонентами двор, рука, дом, путь, шерсть.

Наиболее распространенными и в литературном языке, и в диалектах являются фразеологизмы, включающие существительное двор: /не/ ко двору /прийтись, прийти/, /не/ по двору /прийтись, ийти, пойти/, /масть, конь/ не па двару /полесск./ и др. В костромских говорах материалами анкеты КНСХ отмечен редкий фразеологизм пустить вдоль всего двора 'обеспечить прок, сделать так, чтобы /скот/ пришелся ко двору' /в молитве, обращенной к мученикам Флору и Лавру, патронам домашнего скота/.

Значительную формальную вариативность обнаруживают фразеологизмы, опирающиеся на существительное рука: /пойти, ийти, быть/ в руку, русск. литер. устар. пойти, войти в руку, укр. литер. и диал. піти, іти в руку, белор. пайці у руку; ср. варианты на руку /руки/ быть /пойти/, прийтися к рукам /ср. литер. отбиться от рук, уже не относящееся только к скоту/, не к рукам, /не/ рука, белор. пайці рукою, полесск. на іци рукою, имеющие соответствия в польском языке, и др.

Другие существительные во фразеологизмах с указанным значением и близкой формальной структурой сравнительно редки: /пойти/ по дому /витебск./; пойти в путь, /быть/ в пути /ср. далее однословные параллели путём, непутём, путёвнй, беспутнй и др./; /не/ по шерсти прийтися /саратовск./ и др.

Фразеосочетания прийтись ко двору, пойти в руку и, возможно, пойти в путь претендуют на отнесение их к праславянскому фразеологическому фонду, удовлетворяя таким критериям праславянской древности, как функционирование в диалектах, наличие определенного числа формальных /и семантических/ ва-

риантов, в особенности стяжений в однословную единицу, опора на экстралингвистическую ситуацию, минимальная вероятность калькирования¹. Чрезвычайно показательны в этом отношении примеры свертывания фразеологизма в одно слово: прийтись ко двору → сев.-русск., тверск. дворить /безличн. и личн. формы/, далее имена двористый, дворун, дворуха и др.; пойти в руку → калужск., сибирск. ручить, минск. /логойск./ ручыць, существительное ручь 'удача, о счастье, когда везет' /Даль/ и др.; пойти в путь → путёвый и т.п.

б/ В комплексе обрядов и магических приемов, сопровождающих куплю-продажу скота, особые вербальные обозначения или мотивировки получают, во-первых, сам способ передачи узды от продавца к покупателю /повсеместно обычно из поля в полу/ и, во-вторых, возврат продавцом части условленной платы за скотину /давать на повод, на поводок, на свечку и др., причем повод осмысливается двояко: 'оборот, недоуздок, веревка, на которой уводится купленное животное' - из /по/-вести, и 'вод скота, плодovitость, прок' - из повестись/. В редких случаях, когда некоторое количество денег сверх оговоренной суммы платит продавцу покупатель, это действие мотивируется выражением за поводок /меднск./.

Рассмотрение относящегося сюда материала анкеты "Культ и Народное Сельское Хозяйство" дает возможность представить территорию Костромского региона довольно резко расчлененной на две неравные зоны: северо-восточную /заволжскую/ и юго-западную /предволжскую, преимущественно территория бывш. Нерехотского уезда/. В заволжской части господствует фразеологизм из поля в полу и его редуцированные варианты, в предволжской - вариант с демутированными формами существительного из полки в полку /с уходящими на запад

¹ См.: Н.И.Голстой. О реконструкции праславянской фразеологии. - В кн.: "Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации". М., Наука, 1973, с. 285-286.

продолжениями на территории соседней Ярославской губ./ В костромском Заволжье отмечено лишь словосочетание давать, дать/ на поводок /с существительным в уменьшительной форме/, тогда как только в юго-западной зоне фиксируется /и явно преобладает/ нейтральная /неуменьшительная/ форма дать/ на повод, наряду с выражением дать на свечку. Наблюдение, сделанное на ограниченном материале обрядовой фразеологии, подтверждается и другими данными, как лингвистическими /обрядовая лексика/, так и главным образом собственно этнографическими. Характерно, что определенная на основании указанных данных граница между костромскими северо-восточной и юго-западной зонами фактически совпадает с проходящей здесь вдоль Волги линией, разделяющей территории распространения полного и неполного оканья, одновременно служащей границей между севернорусским наречием и восточными среднерусскими говорами¹.

В/ Среди названий ритуальной выпивки между продавцом и покупателем по поводу купли-продажи /в частном случае - скота/ наибольшей распространенностью отличается существительное магарнч/и/ /белор. магарнч, укр. могорич; диалектные формы могорец, магара и др./ Оно заимствовано из тюркских языков, где в свою очередь является арабизмом. Другой тюркизм, употребительный в том же значении, барнш/и/, имеет более узкую локализацию /преимущественно зап.-русс., белорус./.

В севернорусских и некоторых среднерусских говорах /олонец., арханг., вологодок., яросл., костром., тверск./ отмечено слово литки, заимствованное через посредство западнославянских языков /польск., чешск. litkup/ из германских. В русских диалектах в результате паронимических процессов обдизилось с глаголом лить. В форме литкуп известно в украинском.

Среди финноугорских заимствований следует отметить се-

¹ См. карты в кн.: "Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров /по материалам лингвистической географии/". М., Наука, 1970.

вернорусск. /олонецк., арханг./ гарьяки, горьюки /из финского, карельского/. В южнолемковских украинских говорах существительное одомаш - из венгерского через словацкий язык.

Указанные существительные могут функционировать в составе фразеологизмов типа барнши распить, пить новне литки /ср. новолитка, новолетка 'новоприобретенная корова'/ и др. Фиксируются также фразеологические выражения размывать руки /донск./, пить за поводья /смоленск., ср. вербальную мотивировку доплаты сверх условленной платы за скотину - за повод/, /пить/ за останци /брестск./ и др.

Холмогорск. покопытно /ср. также пить покопытное/ связано с серией фразеосочетаний типа обмыть копыта, полоскать копыта. Фразеологизмом обмывать копыта обозначается, кроме того, холмогорский обычай устраивать праздник в день первого весеннего выгона коров на луг /ср. псковск. рога замачивать 'то же'/. Устойчивым словосочетанием копытца обмывать обозначается еще 'обычай заставляял войти в воду купленную корову по дороге в новый двор' /московск. - дмитровск., сходные магические приемы с целью "замыть след", отвадить новокупленную корову от прежнего двора засвидетельствованы в Костромской и Ярославской губ./ . Возможны по меньшей мере два решения вопроса о древности и первоначальном значении фразеологизма копытца обмывать, называемого дмитровский обычай. Можно рассматривать "прямое" значение этого сочетания /'магическое проведение новокупленной коровы через воду'/ как первичное по отношению к значению 'распивать магарыч', и таким образом современное употребление глагола обмыть в значении 'отпраздновать покупку выпивкой' может восходить к скотоводческой коммерческой магии. Другое объяснение предполагает, что данный случай представляет собой пример "поствербального" рождения ритуала, когда тот или иной обряд или магический прием появляется в результате буквального осмысления метафорического /или иного непрямого/ наименования другого ритуала. Более предпочтительна первая версия, однако она не противоречит второй, так как утраченный ритуал "буквального" обмывания

копыт мог и воскреснуть вновь при отталкивании от идиомы.

Глава третья "Профилактическая и катартическая магия: падеж скота" посвящена анализу ритуалов, совершаемых во время эпизоотий, и связанных с ними некоторых фольклорных жанров, лексики и фразеологии.

В разделе "Структура и семантика ритуала" третьей главы рассматриваются наиболее распространенные у восточных славян обряды, совершаемые в случаях массовых заболеваний и падежа скота в целях их прекращения /очистительные ритуалы/ или предотвращения /предупредительные ритуалы/. К коллективной обрядности, приуроченной к эпизоотиям, относятся у восточных славян следующие формы:

- опахивание /обарывание/ селения /или, иначе, изгнание Коровьей Смерти/, представляющее собою особый тип обходов села с проведением вокруг него борозды сохой, в которую впрягаются люди. Опахивание известно почти на всей великорусской территории, у белорусов и в целом нехарактерно для украинцев;

- умерщвление животного /обычно небольшого: собаки, кошки, зайца/, являющееся остатком древних жертвоприношений Коровьей Смерти с намерением тем откупиться от нее. Дольше всего этот обряд сохранялся в районе, центром которого являются Среднее Поволжье и Польша;

- добывание огня при помощи трения двух кусков дерева с дальнейшим окуриванием дымом этого огня деревенского стада. Ритуал вытирания огня распространен на русском Севере, на востоке великорусской территории /большую часть в Среднем и Нижнем Поволжье/ и в Белоруссии /Полесье и др./;

- прокапывание тоннеля в холме и прогон сквозь него скота, встречающееся в Поволжье /известно также волжским финно- и тюркоязычным народам/ и части южнорусской территории;

- тканье т.н. обмороженного полотенца /холста, сорочки и т.д./, которое является преимущественно белорусским ритуалом, но отмечается и в других восточнославянских землях

/северная Украина, Волга/.

В разделе затрагиваются такие существенные для характеристики указанных обрядов моменты, как география ритуалов в целом; географическое распространение их отдельных элементов /например, сеяние песка при опахивании, исполнение особых "опахивальных" перен; использование колосников с овина для вытирания огня/; наличие инославянских параллелей /например, отражение близнечного культа в ритуалах опахивания у западных и южных славян, с одной стороны, и на Волыни, в западной Белоруссии - с другой; прокапывание тоннеля в балканском ритуале воловка богомолья и др./; разнофункциональная направленность обрядов /профилактическое опахивание в ритуальном молчании - очистительное опахивание с шумом и т.п./, тенденция к календарному закреплению предупредительных обрядов /обетные опахивания, календарное вытирание огня/; семантика отдельных составляющих каждого ритуала /время совершения, состав участников действия, обрядовая нагота, символика чисел и т.д./; параллелизм описываемых ритуалов с обрядами других циклов /например, вторичность скотоводческой ориентированности опахивания, его связь с ритуалами при основании селения; связь тканья обыденного полотна с древнерусскими обычаями воздвижения обыденных храмов/; возможность контаминации между обрядами анализируемого цикла /например, разведение огня в тоннеле/ и проч.

Второй раздел главы - "Лексика и фразеология" - включает в себя два очерка: "Названия ритуального огня" и "Семантика и образование слова обыденный /к анализу терминов обыденный холст, обыденное полотно"/.

а/ Среди наименований 'ритуального огня, добываемого трением во время эпидемий и эпизоотий' наибольшей распространенностью в русских говорах характеризуются термины живой огонь, деревянный огонь и новый огонь. Встречающиеся в этнографической литературе общего характера названия царь-огонь, древесный, лекарственный огонь и др. отводятся как не подтверждаемые конкретным диалектным материалом. Ареал названия живой огонь тянется широкой полосой от Ладожского

и Онежского озер до низовий Волги. Термин деревянный огонь локализуется исключительно на территории северновеликорусских говоров /новгородск., олонек., арханг., вологодск., яросл., костром., вятск., пермск./ и в Сибири. Если не считать поздних сибирских фиксаций, обрядовый термин новый огонь в русских говорах образует сравнительно небольшой ареал в районе Средней Волги и Вятки /имея аналогии по внутренней форме в мордовском, чувашском, татарском языках/. Фиксации прочих названий носят единичный характер: +святой огонь /Новгородская губ., слущкое Полесье/, самородный огонь /тульск., костром./, трудоной, вытратой, небесный огонь /костром. - варнавинск./.

Ономасиологическая мотивация большинства восточнославянских /почти исключительно русских/ названий 'ритуального огня' в общем прозрачна: по используемому материалу - деревянный /ср. болг. дървен огън, сербохорв. гвоздени огањ/, по важнейшей функциональной особенности - новый /ср. болг. нов огън, далее млад огън/, по способу добывания - вытратой, и др. Для понимания термина живой огонь /болг. жив огън, сербохорв. жива ватра; ср. живая вода в русских сказках/ существенными являются данные славянских языков и диалектов, обнаруживающие в слове +живой значение 'целый, свежий, не утративший своих природных качеств' /например, русск. диал. живая вода 'ключевая, проточная вода' в отличие от дохлая вода 'стоячая, затхлая'; живого места не осталось и мн. др./ . В названии живой огонь, таким образом, закрепляется представление о чистоте, неоскверненности, новизне ритуального пламени /ср. новый огонь в связи с обычаем обновления огня во время эпизоотий и эпидемий во всем селении/. Роль новизны и чистоты ритуальных реалий, используемых в очистительных обрядах, отчетливо проявляется, например, и в обрядах с обданными полотенцами, в сексуальной чистоте участниц обряда опахивания, в новизне их одеяний и т.п.

б/ В современном литературном русском языке прилагательное обданный обладает лишь значением 'повседневный, заурядный'. В восточнославянских диалектах, однако, это значение редко, а господствует семантика 'однодневный',

'сделанный в течение одного дня', 'рассчитанный на один день'. Те же значения /со снятием грамматической семантики адъективности/ - у соотносительных наречий обыдень, обыдёнкой и т.п. /белор. абыдзень, укр. обиденя и др./ . Во времена В.И.Даля и даже позже смена значений у этого слова была еще актуальным процессом.

В составе обрядового термина со значением 'ритуальное полотно, сотканное в течение одного дня или ночи' прилагательное +обыдённый отмечается в основном на территории Белоруссии /где по преимуществу и фиксируются соответствующие ритуалы/: абыдзянная намётка, абуздённый /холст/ и т.д. Наряду с составными терминами, в диалектах свидетельствуются и универбы с тем же значением: обыдзеник, обыдёнок и проч. Кроме полотна, обыденными могли быть и другие обрядовые реалии, ср. обыдённая рубаха, укр. обиденна сить, древнерусские обыденные храмы и т.д.

Морфемная структура прилагательного обыденный в современном языке затемнена. Некоторые этимологи возводят это слово к предложно-именному сочетанию о́бь инь днь /Грот, Фасмер, Копечный/ или въ инь днь /Ильинский/. Однако принятию такой интерпретации препятствуют семантика др.-русск. инь /'некоторый', а не 'один' или 'тот же'/, существование параллельных образований типа обыночный, белор. абыноч и под. /где наличная рефлексация не может быть возведена к винительному от ин- в женском роде/ и др. обстоятельства. Учитывая параллелизм приставочных морфем об-/обо-/обн- в одних и тех же диалектных словах, следует наречие обыдень выводить из о́бь днь /как и делал А.Преображенский/.

Что же касается семантики слова обыдённый в составе обрядовых терминов, то в его лексическом значении отразилось представление о магических свойствах новизны /однодневности/ и чистоты ритуальных реалий, представление, занимающее видное место как в онтологических системах древних славян, так и в позднейшей народной культуре.

В третьем, последнем разделе третьей главы - "К текстологии русских "опахивальных" песен" - содержится попытка реконструкции структуры и прагматики особых песен, ко-

торыми в ряде местностей на территории южно- и средневеликорусской зоны сопровождается обряд опахивания /изгнания Коровьей Смерти/.

Предварительный анализ этих песен вызвал предположение, что в их основе лежит более чем один прототекст, поскольку зарегистрированные фольклористами варианты песен несводимы к одной традиции. С помощью специально разработанной методики текстологического анализа были выявлены два текстуальных центра, вокруг которых группируется весь стиховой материал. Существенно различной оказалась семантическая и прагматическая отнесенность выявленных прототекстов, принадлежащих, по-видимому, разным традициям: одни песни преимущественно строились на словесном описании ритуальных манипуляций, их своеобразном вербальном дуолировании и выражении надежды на успех предпринимаемых действий /пассивная прагматика/, другие включали явные угрозы в адрес Коровьей Смерти /активная прагматика/. Это различие отразилось и на морфологическом уровне: в текстах первого типа преобладает настоящее и прошедшее глагольное время, в текстах второго - императив и будущее время. Неодинаковым оказалось географическое распределение песен, восходящих к разным прототекстам. Однако различная географическая приуроченность этих вариантов - явление, вероятно, позднее. Что же касается разницы в семантико-прагматическом плане, то ее можно связать с различием в функциональной направленности самого ритуала опахивания, могущего быть предупредительным, т.е. преследующим цели предотвращения мора скота в данном селе /прототекст с пассивной прагматикой/, и, с другой стороны, очистительным, т.е. решающим задачу изгнания уже пришедшей в село Коровьей Смерти /прототекст с активной прагматикой/.

В "Заключении" подводятся основные итоги предпринятого в диссертации исследования.

Вербальные компоненты скотоволческой обрядности /лексика, фразеология, тексты/ рассматривались в теснейшей связи со структурой и семантикой самих обрядов. При этом выявлены узловые семантические моменты ритуалов, способ моле-

лирования в обрядах необрядовой действительности, основная ритуальная символика. Сделаны определенные наблюдения над географическим распространением различных обрядов, их отдельных элементов, определены географические зоны распространения тех или иных обрядовых терминов и фразеологизмов.

Изучение обрядовой лексики показало неразработанность проблемы лексикографического описания этой сферы диалектного словаря, неудовлетворительность многих словарных толкований в имеющихся региональных лексиконах, составлявшихся в большинстве случаев без достаточного знания внелингвистического /этнографического/ субстрата, без опоры на широкий культурно-исторический контекст. Дезактуализация и в перспективе исчезновение в современных условиях из активного диалектного словаря обрядовой и мифологической лексики делает настоятельной необходимостью более развернутого и систематического сбора, описания и анализа этого материала по заранее составленным вопросам и анкетам, опирающимся на предварительное изучение уже имеющихся этнографических и лингвистических данных. Изучение обрядовой лексики и фразеологии требует включения его в сферу комплексного анализа фактов традиционной духовной культуры славян.

В приложении к диссертации даны список использованной литературы, три индекса /лексико-фразеологический, предметный и географический/ и карты, дающие представление о географии восточнославянских скотоводческих ритуалов, их отдельных элементов, связанной с обрядами лексики и фразеологии.

Публикации по теме диссертации

1. О взаимоотношениях славянской урожайной и скотоводческой обрядности. – В кн.: "Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы третьей конференции на тему "Методика лингво- и этногеографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы". 10-12 февраля 1975". М., Наука, 1975, с. 36-39 /совместно с О.А.Терновской/.
2. К ареальной характеристике восточнославянской скотоводческой охранительной магии /обряды при эпизоотиях/. – В кн.: "Ареальные исследования в языкознании и этнографии". М., Наука, 1977, с. 227-232.
3. Из русской обрядовой лексики: "живой огонь". – В кн.: "Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976". М., Наука, 1978, с. 204-228.
4. Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение. – В кн.: "Славянский и балканский фольклор. Генезис – архаика – традиции". М., Наука, 1978, с. 71-94.
5. К текстологии русских "опахивальных" песен. – В кн.: "Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы". М., 1979, с. 114-116.
6. Этнодиалектное членение Костромского региона по данным скотоводческой магии и обрядовой фразеологии /на материалах анкеты "Культ и Народное Сельское Хозяйство"/. – В печати.
7. К этимологии слав. *skotъ. – В печати /сб. "Этимология. 1981"/.
8. Семантика и происхождение слова обденный. – В печати /сб. "Этимология. 1981"/.

